

Т. А. Абросимова

*Санкт-Петербургский Институт истории
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург*

tabrosimova@mail.ru

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

В статье рассматривается проблема отношения российской социал-демократии к Первой мировой войне и влияние политической и идеологической деятельности Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) на её ход и исход. Большинство политических партий и движений России в 2014 г. поддержало войну. Наиболее последовательной и активной антивоенной силой выступила РСДРП. Большевистская антивоенная программа была практически полностью изложена в ленинских тезисах о войне и в Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Её суть сводилась к лозунгам о поражении своего правительства в войне и о превращении войны империалистической в войну гражданскую. У меньшевиков ситуация складывалась иначе. Часть меньшевиков открыто изменила принципам пролетарского интернационализма и встала на путь защиты своего отечества. Вслед за Г.В. Плехановым основная часть социал-патриотов выдвигала формулу: сначала «оборона» страны, потом борьба с внутренним врагом, сначала победа, потом революция. Часть меньшевиков в вопросе о войне занимала центристские позиции или даже относилась к революционно-интернационалистическим элементам. Идеологи и большевистского, и меньшевистского крыла РСДРП разработали ряд теоретических положений и достаточно успешно справились с задачей распространения своих взглядов как на фронте, так и среди мирного населения. Несмотря на значительное расхождение в тактике, они способствовали резкому падению авторитета власти, оказавшейся неспособной к ведению тяжелой кровопролитной войны. Война привела к ослаблению позиции самодержавия и приблизила революцию.

Ключевые слова: Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), большевики, меньшевики, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, пролетарский интернационализм, оборончество.

В августе 1914 г. Германия объявила войну России, которая в итоге переросла в мировую. Все державы — участницы конфликта — имели свои империалистические притязания и все несли долю ответственности за развязывание этой войны. Но главными и прямыми виновниками трагического события стали Германия и её союзница Австро-Венгрия.

Россия явно не была инициатором войны. Д. Ллойд Джорж, премьер министр Великобритании, так охарактеризовал позицию России во время июльского кризиса: она «больше всего жаждала мира... И во всяком случае, в настоящей войне, не она была нападающей стороной. Она хотела мира, нуждалась в мире и жила бы в мире, если бы её оставили в покое» [10, 61, 90].

В отношении готовности к войне Россия значительно отставала от Германии. Для России необходима была отсрочка решительного столкновения с Германией и Австро-Венгрией хотя бы до 1916–1917 гг., когда ожидалось выполнение программ по усилению армии и флота, разработанных в 1913 г. Это прекрасно понимали правящие круги Петербурга. Царь не был агрессивно-милитаристской натурой типа Вильгельма II, но синдром российского великодержавия, надежды на разработанные генштабом планы быстрого разрешения конфликта, давление со стороны западных союзников и уступка представителям «партии войны» из военно-бюрократических кругов склонили Николая II к принятию решения о вступлении в войну.

Пророческой оказалась мысль о смертельной опасности для России военных действий, изложенная в записке министра внутренних дел П.Н. Дурново царю в феврале 1914 г.: «В случае неудачи, при борьбе с таким противником, как Германия... Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению» [15, 13]. Против войны высказывались известные люди того времени. Достаточно назвать двух российских государственных деятелей, которым судьба России была небезразлична – П.А. Столыпина и С.Ю. Витте. «Россия первая очутится под колесом истории, – предвидел С.Ю. Витте. – Она расплатится своей территорией за эту войну. Она станет ареною чужеземного нашествия и внутренней братоубийственной войны... Россия не может и не должна воевать» [17]. Но такие предостережения в окружении Николая II высказывали единицы. Большинство политических сил поддержало войну и включилось в патриотическую пропаганду. Они рассматривали войну со стороны России как оборонительную и справедливую, считали, что война объединит страну, защитит государственность и не даст возможность аннулировать результаты трёхсотлетней истории.

Наиболее последовательной и активной силой против угрозы войны выступила Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Заседание Думы, где обсуждался вопрос о войне, проходило 26 июля 1914 г. В момент объявления войны из меньшевистских депутатов в столице находились только Н.С. Чхеидзе и В.И. Хаустов. Часть партийных работников была под арестом. Большевики пребывали в недоумении от внезапного отъезда за границу своего лидера Р.В. Малиновского (как позднее узнали, он оказался провокатором). В этой ситуации обе социал-демократические фракции в Думе сочли возможным выступить с совместной антивоенной декларацией. Её огласил на заседании в Таврическом дворце меньшевик В.И. Хаустов. В декларации указывалось, что ответственность за начавшийся конфликт возлагается на правительства всех воюющих стран и содержался призыв голосовать против военных кредитов. В момент голосования за военные кредиты социал-демократы демонстративно покинули зал заседания Думы. Эта декларация прозвучала резким диссонансом патриотическим заявлениям других думских фракций. Но альянс между социал-демократами был временным.

В.И. Ленин в это время находился в эмиграции в Швейцарии. Он был убеждён в необходимости превращения войны империалистической в войну гражданскую. По его мнению, в условиях империалистической войны социалисты каждой из воюющих стран должны содействовать поражению своего правительства, а пацифизм он считал вредным и недостойным настоящего революционера. Именно такая позиция явилась бы проявлением подлинного пролетарского патриотизма.

Исходя из своих убеждений Ленин выступил против блока большевистской и меньшевистской фракции в Думе, считая, что большевики должны занимать самостоятельную позицию и не идти на уступки меньшевикам [8, 15]. А.Г. Шляпников, входивший в Русское бюро ЦК РСДРП, в письме В.И. Ленину объяснял причины появления совместной декларации так: «...Могу Вас уверить, что между нашей фракцией и ликвидаторами никаких соглашений не существовало... Наши депутаты вели себя молодцами, во многом приближались к Вам, но «интеллигенция» очень вредно влияла на рабочих и депутатов¹. Безусловно, в пропагандистской деятельности большевики выступали гораздо радикальнее, чем в думской фракции. Так, Петербургский комитет РСДРП в августе 1916 г. в выпущенной листовке предлагал использовать войну для установления в стране демократической республики и подчеркивал, что «за наступающими потрясениями и политическими переворотами уже стоит призрак социальной революции» [9, 117]. Да и сами депутаты-большевики признавали, что их активная платформа прозвучала с думской трибуны слабо. Заметим, что совместная декларация двух думских фракций от 26 июля не устраивала и меньшевиков, ни тех, кто являлся сторонником защиты отечества, ни тех, кто относил себя к левым революционно-интернационалистическим элементам.

В начале августа 1914 г. к обеим социал-демократическим фракциям Думы с телеграммой обратился бельгийский министр-социалист Э. Вандервельде, который незадолго до начала войны был с визитом в российской столице, а после её объявления стал королевским министром Бельгии и ярим социал-патриотом. Он указал, что европейская демократия вынуждена опираться в войне на помощь царского правительства и просил их строить свою тактику исходя из этого. Ответ большевиков был достаточно чётким, ни при каких обстоятельствах русский пролетариат не может «идти рука об руку с нашим правительством, не может заключать с ним никаких перемирий, хотя бы временных, не может оказывать ему никакой поддержки» [16]. Меньшевики в своем ответе на ту же телеграмму, высказались за непротиводействие войне [11, 93–94]. Большевистская антивоенная программа была практически полностью изложена в ленинских тезисах о войне и в Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Эти документы первоначально подробнейшим образом обсуждались руководящими большевистскими работниками. Не у всех партийных работников укладывался в сознании ленинский лозунг о поражении своего правительства в войне, они не могли сразу принять его. Некоторую растерянность проявил А.Г. Шляпников [14, 61]. Не согласился с ленинскими взглядами Л.Б. Каменев [18, 65]. Но на совещании членов думской фракции большевиков с руководящими работниками Петроградской организации РСДРП, состоявшемся 30 сентября – 1 октября 1914 г. в Финляндии, они были в целом одобрены. Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» 19 октября 1914 г. был опубликован в виде передовой статьи в № 33 Центрального органа РСДРП – газете «Социал-демократ». Манифест рассматривался на совещании членов Центрального Комитета, Петербургского Комитета РСДРП, депутатов-большевиков IV Государственной думы, представителей большевистских организаций Харькова, Риги и других организаций РСДРП в Озерках 2–4 ноября 1914 г. [3, 442]. Как позднее отмечал А.Е. Бадаев: «Содержание и сущность документа не встречали никаких возражений, вносились лишь отдельные редакционные правки» [2, 375]. Это совещание не удалось

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 480. Л. 2.

довести до конца. По доносу провокатора участников арестовали, и суд приговорил большевистских депутатов и Каменева к пожизненной ссылке в Сибирь [6, 91].

Начиная с конца 1914 г. вести партийную работу было чрезвычайно сложно. Распались организации; кому удалось избежать провала, ушли в глубокое подполье. Но партия продолжала жить, несмотря на репрессии. Так, только в течение декабря 1915 г. работников Петроградской организации арестовывали 5 раз. Но уже с «первых чисел января 1916 года, – констатировало охранное отделение, – член ПК [Петроградского Комитета – Т. А.] В.Н. Залежский приступил к восстановлению разбитого дела, нашел подходящих людей, поставил технику...»¹. Большевики не прекращали своей деятельности, придерживаясь интернационалистических позиций.

У меньшевиков дело обстояло иначе. Часть меньшевиков открыто изменила принципам пролетарского интернационализма и встала на путь защиты своего отечества. Вообще оборонческие настроения, особенно в первый период войны, явно преобладали.

Одним из авторитетнейших оборонцев-патриотов был Г.В. Плеханов. Плеханов до этого неоднократно выступал (особенно в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.) как интернационалист. Позиция, занятая им с началом Первой мировой войны, удивила многих. Г.В. Плеханов стоял на противоположном полюсе от позиции радикального большевика В.И. Ленина, считавшего Плеханова представителем «социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле...» [7, 94]. Плеханов призывал к единению всех сил для обороны страны и предлагал «отвергнуть как неразумную... больше как безумную, всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятельскому нашествию» [12, 16]. Вслед за Г.В. Плехановым основная часть социал-патриотов выдвигала формулу: сначала «оборона» страны, потом борьба с внутренним врагом, сначала победа, потом революция. Революцию во время войны они считали «грёзофарсом» [13, 108]. В России многим меньшевикам-оборонцам взгляды Плеханова представлялись непригодными для распространения среди российских рабочих. Они предлагали свой вариант социал-патриотизма, адаптированный к российским условиям. Это меньшевики В.О. Левицкий (Цедербаум), Е. Маевский (В.А. Готовский), Н. Череванин (Ф.А. Липкин), группировавшиеся вокруг редактируемого А.Н. Потресовым легального журнала «Наша заря» (позднее – «Наше дело», «Дело») и газеты «Утро» (затем – «Рабочее утро»). Они возражали против антивоенных лозунгов, всевозможных забастовок в тылу Русской армии, но в то же время выступали против предоставления царскому правительству военных кредитов. Считали необходимым критиковать правительство за ошибки. По словам трудовика В.Б. Станкевича, позиция А.Н. Потресова и его команды заключалась в «служении войне критикой правительства, предостережением его от ошибок, грозящих успеху войны или ее принципиальной чистоте».

Постепенно к концу 1915 г. эта теория переросла в идею «самозащиты», предполагавшую передать дело обороны страны из рук царизма в руки российской демократии. Но и эта точка зрения устраивала отнюдь не всех и не являлась официальной. Роль меньшевистского центра в России с 1912 г. выполнял, как известно, Организационный комитет (ОК) РСДРП. А фактическим руководящим органом меньшевиков в России являлась думская фракция во главе с Н.С. Чхеидзе. Они представляли собой центристское течение. Их позиция заключалась в признании права на защиту отечества, но в то же время осуждалась война и критиковалось правительство за неумелые военные действия. Они требовали заключения демократического мира без аннексий и контрибуций.

Заметим, что думская меньшевистская фракция, после ареста в ноябре 1914 г., а затем ссылки в Сибирь депутатов-большевиков, осталась единственной представительницей российского пролетариата в Государственной думе. Члены фракции во главе с Н.С. Чхеидзе всегда выступали против войны, неоднократно критиковали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства и категорически отказывались голосовать за военный бюджет.

Более левого направления придерживались меньшевики-центристы, объединившиеся вокруг Ю.О. Мартова. Представители «левого центра» заявляли об империалистическом характере войны и исходя из этого не высказывались ни за победу, ни за поражение. Мировая война, отмечали они, «заканчивает эпоху сравнительно устойчивого существования буржуазных государств и открывает эру грандиозных мировых потрясений» [4]. «Бурное массовое движение» предсказывал и Мартов. Он признавался, что в его душе живет тревога, что, вернувшись в Россию, он будет «захлестнут волной злобы и возмущения»². В России взгляды «левого центра» выражала Центральная инициативная группа меньшевиков в Петрограде во главе с О.А. Ерманским, «уклонившемся в сторону большевиков»³. Как

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ДПОО. 1915. Д. 5. Ч. 57. Л. 3–8.

² РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 52. Л. 9–10.

³ ГАРФ. Ф. ДПОО. 1915. Д. 5. Ч. 57. Л. 3–8.

видим, меньшевистская партия состояла из нескольких течений и групп, что, безусловно, создавало определенные трудности в ее работе. Но все они уживались между собой, и меньшевики называли себя «реалистически-новаторским» направлением российской социал-демократии.

Период Первой мировой войны – один из ответственных периодов в деятельности РСДРП. Отношение к войне стало основным пунктом политических программ, вокруг которого группировались силы революционной демократии.

Идеологи и большевистского, и меньшевистского крыла РСДРП разработали ряд теоретических положений и достаточно успешно справились с задачей распространения своих взглядов как на фронте, так и среди мирного населения. Несмотря на значительное расхождение в тактике, они способствовали резкому падению авторитета власти, оказавшейся беспомощной к ведению тяжелой кровопролитной войны.

Как отмечал главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант А.И. Деникин, «усталость от войны, усиленная антивоенной пропагандой, привела к тому, что солдаты и младшее офицерство стало отказываться от ведения боёв, участились случаи неподчинения приказам и дезертирства. Избывались и арестовывались офицеры, служившие на командных должностях»¹ [1, 12]. Усилились пораженческие настроения. Солдаты добровольно сдавались в плен, сознательно получали ранения – лишь бы вернуться домой. Войска оставляли свои позиции. Всё чаще стали происходить случаи стихийного братания с солдатами противника, в них фронтовики видели обычных людей, в силу обстоятельств оказавшихся в окопах с противоположной стороны поля боя. Открытая пропаганда братания на фронте активно использовалась большевиками. На Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) поддержка братания солдат на фронте рассматривалась как важная задача большевистской пропаганды; указывалось на необходимость «превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение» [5, 440]. Если до Февральской революции антивоенные выступления не носили массового характера, то после свержения самодержавия вседозволенность захлестнула Русскую армию, как, впрочем, и всю Россию. Боевой дух солдат был фактически уничтожен. Вкусившие бескрайнюю демократизацию армии солдаты не хотели продолжения войны, на смену патриотизму начала войны пришли усталость и равнодушие. Ненависть к внешнему врагу постепенно угасала, а ее место заняло неприятие власти. Если учесть нестабильность в обществе, исход войны был предопределен.

Антивоенная пропаганда социал-демократов также способствовала, в некоторой степени, разложению армии, а непосредственно тяжёлая, кровопролитная война привела к ослаблению позиции самодержавия и приблизила революцию.

Библиографический список

1. Абросимова Т.А., Черняев В.Ю., Рабинович А. Петербургский комитет в 1918 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2013.
2. Бадаев А.Е. Большевики в Государственной думе. М., 1980.
3. Бондаревская Т.П., Абросимова Т.А., Лейкина Е.Т. Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986.
4. *Голос*. 1915. 8 января.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. М., 1970.
6. *Красная летопись*. 1924. № 1.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49.
9. *Листовки петербургск их большевиков*. Т. 2. М., 1957.
10. Ллойд Джорж Д. Речи произнесённые во время войны. Пг. 1916.
11. *Памятники агитационной литературы РСДРП*. Т. VI. Вып. 1. М.; Пг., 1923.
12. Плеханов Г.В. Интернационализм и защита отечества. Пг., 1917.
13. Плеханов Г.В. О войне. Пг., 1917.
14. *Пролетарская революция*. 1924. № 7 (30).
15. *Родина*. 1993. № 8–9.
16. *Социал-демократ*. 1914. 1 ноября.
17. Троцкий Л. С.Ю. Витте и мировая война // *Дни*. 1924. 27 июля.
18. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Ч. 1. М., 1992.

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 13; Ф 1817. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

T.A. Abrosimova

*St. Petersburg Institute of History
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg*

tabrosimova@mail.ru

FIRST WORLD WAR AND RUSSIAN SOCIAL DEMOCRACY

The article deals with the problem of the attitude of Russian social-democracy to the First World war and the influence of the political and ideological activities of the Russian social-democratic workers' party (RSDRP) on its course and outcome. The majority of Russian political parties and movements supported the war in 1914. The most consistent and active anti-war force was the RSDRP. The Bolshevik anti-war program was almost completely set out in Lenin's theses on the war and in the Manifesto of the Central committee of the RSDRP "War and Russian social-democracy". Its essence was reduced to slogans about the defeat of their government in the war and about the transformation of the imperialist war into a civil war. The situation was different for the Mensheviks. A part of the Mensheviks openly betrayed the principles of proletarian internationalism and took the path of defending their Motherland. Following G.V. Plekhanov, the main part of the social-patriots put forward the formula: first – the "defense" of the country, then the fight against the internal enemy, first victory, then revolution. Some of the Mensheviks took centrist positions on the question of the war, or even considered themselves to be revolutionary-internationalist elements. The ideologists of both the Bolshevik and Menshevik wings of the RSDRP developed a number of theoretical positions and successfully coped with the task of spreading their views both at the front and among the civilian population. Despite the significant divergence in tactics, they contributed to a sharp decline in the authority of the government, which turned out to be incapable of waging a severe bloody war. The war led to a weakening of the position of the autocracy and brought the revolution closer.

Keywords: Russian social-democratic workers' party (RSDRP), Bolsheviks, Mensheviks, V.I. Lenin, G.V. Plekhanov, proletarian internationalism, defencism.

УДК 296(476.4)

Г. Н. Беляева

*Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
г. Могилёв*

h.belyaeva@mail.ru

ЭПИТАФИИ УЧАСТНИКОВ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. В МАТЕРИАЛАХ БЕЛОРУССКИХ ЕПАРХИЙ, СОБРАННЫХ ДЛЯ «РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕКРОПОЛЯ»

В статье впервые в белорусской и российской историографии анализируются эпитафии участников Русско-японской войны 1904–1905 гг., собранные в 1907–1911 гг. белорусскими консисториями для публикации в четвертом томе «Русского провинциального некрополя» великого князя Николая Михайловича Романова. На основании архивных материалов уточняются биографические данные, родственные связи выходцев из Беларуси – участников Русско-японской войны А.А. Лойко, Н.К. Сцепуро, В.Н. Петровского, Н.Н. Флейшера, Б.О. Шишко. Анализируя материалы «Русского провинциального некрополя» великого князя Н.М. Романова, автор приходит к выводу, что не все выходцы белорусских губерний, погибшие в боях и сражениях Русско-японской войны, были внесены в списки «Некрополя», поскольку не все семьи ставили символические надгробия своим погибшим на чужбине родственникам; существующие надгробия вносились в списки фрагментарно, поскольку составители рапортов не всегда проявляли усердие. Наличие сословно-конфессионального принципа отбора эпитафий также ограничивало информативность собранных материалов. В то же время материалы, представленные белорусскими епархиями для издания «Русского провинциального некрополя», являются важным источником по истории Российской империи, истории Русско-японской войны. Списки позволяют уточнить биографические данные, родственные связи участников войны, определить места их номинального захоронения, актуализировать идею восстановления утраченных надгробий, увековечения памяти погибших.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг., Цусимское сражение, «Русский провинциальный некрополь», Н.М. Романов, эпитафия, надгробие, увековечение памяти погибших.